

А.....а

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ

Евгений Валерьевич Гришковец

А.....а

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=308702

А.....а. Повесть: Махаон; Москва; 2010
ISBN 978-5-389-00922-6

Аннотация

В Америке есть небоскрёбы, Голливуд, Белый дом и есть одинокие ковбои, Том Сойер, девочка Элли, Элвис и Мэрилин. У нас есть очень много мифов и представлений, которые никак не укладываются в просто государство с часовыми поясами, квадратными километрами, политическим и экономическим устройством. Эта книга о попытках собрать воедино наши мифы и представления об Америке. Об отголосках некоей реальной Америки, о тех многократных её отражениях, которые вросли в нашу жизнь ещё раньше, чем мы узнали о существовании такой страны. Страны, что создавала и создаёт мифы и настоящие сказки, давно превратившейся в нашу собственную Америку, ещё тогда, когда мы впервые читали Марка Твена и Фенимора Купера.

Содержание

Об авторе	5
Повесть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Гришковец

А.....а

Друзья!

Хороших Вам
КНИГ!

Находите время для
чтения...

Гришковец

Об авторе

Несколько слов об авторе. Пять лет назад мы получили рукопись, которая не была подписана. Рукопись была только озаглавлена: «Реки». В сопроводительной записке автор утверждал, что считает своё произведение повестью. Так тот текст и был опубликован.

И вот мы вновь получили рукопись без указания имени и фамилии автора. Текст был доставлен нам в конверте, не по почте, поэтому мы не знаем, откуда именно он был отправлен. Мы не можем быть абсолютно уверены, но многое указывает на то, что автор текста «Реки» и автор полученной нами недавно рукописи – один и тот же человек. Публикуем присланное нам произведение без изменений и сокращений.

Повесть

Я никогда не был в Америке. Мне уже за сорок, я любопытный и активно живущий человек, во всяком случае, мне так кажется. Меня не терзают никакие дремучие предубеждения, которые помешали бы мне интересоваться тем, что происходит за пределами моей Родной страны. Я довольно много путешествовал и продолжаю это делать. Но в Америке, в смысле в Соединённых Штатах Америки, я не был никогда.

* * *

Не правда ли, странно, что во всех, а точнее, в большинстве фантастических фильмов и книг, если инопланетяне прилетают на Землю, то они непременно прилетают в Соединённые Штаты. И это не объясняется только тем, что в основном эти фильмы и книги создаются в Америке. А просто представить себе сложно, что инопланетяне прилетят куда-то в другое место. Например, в Китай. Ну что в этом будет интересного?! Инопланетяне прилетели к инопланетянам. Никакого конфликта, никакого удивления друг от друга.

Или как можно вообразить высадку инопланетян в Чехии,

Венгрии, Финляндии или хоть в Бельгии? Во-первых, с какой стати? Очень странный выбор! Во-вторых, американцы там тут же окажутся, чтобы всё выяснить. Так что зачем терять инопланетянам время? А они, коль скоро долетели до нас, уж точно не дураки. Так что лучше сразу, не теряя времени, в Америку.

В Латинскую Америку им лететь непонятно зачем. Да и вряд ли там кто-то обратит внимание на их появление. В Африке или в Австралии им делать нечего, так как у них сложится слишком одностороннее и однобокое представление о земной жизни. В Индии им будут рады, но боюсь, что не так, как они хотят. В Японии инопланетянам со своими технологиями будет скучно... К нам им прилетать либо рано, либо уже сильно поздно. На нас это может произвести слишком непредсказуемое и неадекватное впечатление, о последствиях которого лучше не думать. Да к тому же очень трудно решить, где у нас высаживаться. Хакасия или Чукотка – это одно, а пригороды Санкт-Петербурга – это совсем другое. У нас можно сильно просчитаться и угодить куда-нибудь между Улан-Удэ и Читой.

Так что только в Соединённые Штаты!

Я никогда там не был, но, будь я инопланетянином, я бы высадился только там. Существует гипотеза, что инопланетяне бывали на Земле и весьма сильно помогли ацтекам и инкам, а также консультировали египтян. Но тогда ещё не было Соединённых Штатов Америки. Теперь же только туда.

Это я, конечно, слегка игриво высказался, а если чуть серьёзнее, то что же получается? Вот я не был в Соединённых Штатах, но я также не был и в Китае, и в Японии, я не был в Латинской Америке и Австралии, я много где не был. Я хотел бы там побывать, и даже в Китае или Новой Зеландии мне побывать хочется, кажется, сильнее, чем в Соединённых Штатах.

Но если я думаю о Китае, то мои представления об этой бесспорно великой стране складываются в моём сознании в какую-то удобную и нетревожную композицию. И хоть я знаю и понимаю, что Китай – это огромная и глубочайшая культура, история, нация и какое-то очень серьёзное будущее для всего человечества, моих скромных представлений о Китае достаточно, чтобы не думать о нём ежедневно, не любить и не гневаться на него. А желание съездить туда – это не более чем любопытство. Это простое желание попробовать на вкус, понюхать, потрогать, увидеть что-то от меня совсем далёкое, отдельное от моей жизни и понятного мне с детства способа проживания в этом мире.

Поэтому мне приятно и легко хотеть съездить в Китай или в Индию. Япония у меня вызывает приблизительно такие же чувства. Я прекрасно знаю, что в Японии всё не так, как в Китае, а сильно иначе. Но Япония от меня так же далека. Далека не в смысле расстояний. И поэтому мои представления о ней также мне удобны и ограничены комфортным незна-

нием подробностей и глубин, а главное – нежеланием углубляться. Мне приятно восхищаться Японией как технологическим чудом в сочетании с соблюдением древних традиций. Но больше всего мне нравится всё, что связано с непостижимостью и закрытостью японского сознания и культуры. Все специалисты по Японии говорят об этой непостижимости и невозможности проникновения в подлинную японскую жизнь. Мне это нравится! Непонятно – значит, непонятно! И нечего пытаться. Очень хорошо! Удобно! Уважаю!

И так можно пробежаться по любым большим и малым странам. О каких-то у меня больше знаний, о каких-то меньше. С какими-то связаны целые цветомузыкальные картинки представлений и фантазий. О каких-то у меня есть самые скудные сведения и нет никаких ни представлений, ни фантазий. Но всего этого достаточно! Эти цветные картинки и звуки, эти фантазии и представления имеют какую-то замкнутую и даже округлую форму. И среди этих моих представлений о мире жить довольно комфортно. Целые континенты очерчиваются окружностью представлений о них.

Вся Латинская Америка – это что-то цветное, шумное, энергичное, пусть совсем небогатое, но какое-то весёлое, лёгкое и при этом вся она, в целом, какая-то однородная. Да, я знаю, что там много разных стран. В каких-то говорят по-испански, в каких-то по-португальски, есть и другие языки. Но в целом для меня – это танго, самба, румба, карнавал, гитары, аккордеоны, белозубые улыбки, безудержная

страсть, витиевато написанные книги, дебри, джунгли, Амазонка... Ну и ещё какие-то детали. Однородная такая Латинская Америка и всё. А латиноамериканцы там все вместе. И хоть я знаю, что на юге Чили очень холодно и даже водятся пингвины, но в целом, в моём сознании, Латинская Америка вся однородно жаркая, ну или, в крайнем случае тёплая.

Так же и вся Скандинавия. Я знаю, что шведы, финны, норвежцы и датчане очень разные и сильно дорожат своими отличиями друг от друга. Но в целом Скандинавия – это удобно уложенное в моём сознании что-то холодное, надёжное, качественное, безопасное, с красивыми суровыми пейзажами, немногочисленная, тихая, мужественная, в основном светлоглазая и светловолосая. И достаточно! И больших открытий не сулит. Лежит себе Скандинавия вся вместе кружочком в памяти и представлении о мире, не разделённая границами и этносами.

А есть страны, про которые мы можем сказать самую малость и довольны этим. Бельгия – писающий мальчик и брюссельская капуста. Польша – там сильно шепелявый язык. Чехия – там язык менее шепелявый. Италия – это прекрасно во всех смыслах. Франция – это прекрасно, но по-другому.

Англия... А что Англия? Англия – это... это Англия!!!

Тёмными, тяжёлыми и жуткими комками лежат в сознании Саудовская Аравия, Афганистан, Ирак, Северная Корея, Сомали...

А ещё насыпаны в представлении о мире горошинки типа Исландии, Албании, острова Маврикий, королевства Лесото и др.

Какие-то я могу найти на карте, какие-то нет. Про какие-то я видел телепередачи или читал в журналах, про какие-то я ничего не знаю, кроме названия. Но мне этого достаточно. Наверное, это неправильно. Может быть, в этом проявляется высокомерие жителя большой, сложной и очень запутанной страны? Но достаточно!

А вот про Америку, про Соединённые Штаты, я знаю, казалось бы, довольно много. Я читал много книг американских писателей, от самых первых до самых современных, я видел много документальных фильмов про Америку, смотрел бессчётное количество американских художественных фильмов разных жанров и качества, у меня есть знакомые, которые бывали в Америке. Они мне много рассказывали про Соединённые Штаты. Я каждый день вижу Америку в новостях. Я знаю, как зовут нынешнего президента Соединённых Штатов, как звали прошлого и трёх предыдущих. Я прекрасно знаю, как выглядит американский флаг, как звучит американский гимн, и у меня есть американские деньги.

И при этом я совершенно уверен, что я ничегошеньки про Америку не знаю. Точнее, все мои знания – культурные, географические, исторические, экономические и пр. – об Америке не складываются ни в какую понятную композицию. Никакая внятная картина из моих представлений об Амери-

ке не вырисовывается. И я понимаю, что, прочитай я вдвое больше книг и посмотри я втрое внимательнее фильмы про Америку, картина и композиция не станут более ясными и цельными. А ещё Америка не уложена комфортно и спокойноненько в моём сознании в хранилище моих представлений о географическом, и не только географическом, устройстве мира. Америка тревожит меня, беспокоит, заставляет думать о себе, заставляет удивляться, гневаться, восхищаться. Она пугает меня, наконец.

Удивительное ощущение. Вот я сижу у себя дома, пишу это, за окном знакомая улица, через улицу, чуть правее, светятся окна магазинчика, где я покупаю хлеб, молоко, воду и ещё что-то. Магазин закрыт. Сейчас ночь. Машины проезжают редко. Город, в котором я живу, спит. Где-то сейчас спят мои друзья, знакомые. Мысленно я могу проехать по моему городу. Я помню все основные улицы, я знаю, как город устроен. А где-то в Америке сейчас утро.

Я знаю, что Америка существует. Она точно есть! Этот факт не подлежит сомнениям. За Европой, за Британскими островами, за океаном есть страна – Соединённые Штаты Америки. Она реальна. Но мне трудно представить себе американское утро. Трудно поверить, что то же самое солнце, которое освещало мой дом, пробивалось сквозь стёкла и занавески в моё окно, теперь делает то же самое в Америке, с чьим-то домом и чьим-то окном. Почему меня это удивляет,

почему Америка не укладывается у меня в голове во что-то целое и хоть сколько-нибудь понятное?

У меня есть... Точнее сказать, у меня был один хороший друг. Почему был? Нет-нет, мы не поссорились и он не умер. Он уехал в Америку. Поэтому про него я могу сказать, что у меня был хороший друг. Он уехал в Америку давно. И я помню, как это случилось.

Мой друг был абсолютно стопроцентный «ботаник». Такой типичный увалень, в мятых брюках, сутулый, румяный, совершенно белокожий, с непослушными жидкими и бесцветными волосами. У него всегда были нечищенные ботинки. Конечно же, он носил очки, а очки сидели на его лице всегда криво. Когда он очки снимал, его лицо становилось совершенно беспомощным, а на носу краснели вмятины от тяжёлых очков. Звали его, разумеется, Боря. Типичный «ботаник» Боря был математиком.

С первого курса университета он подавал большие надежды, а к третьему курсу Боря их вполне подал. Он погрузился в науку, участвовал в серьёзных конференциях, целыми днями просиживал на кафедре, что-то считал, пересчитывал. Я имею слабое представление о том, что могут делать и чем в действительности занимаются математики. По-моему, они считают и иногда пересчитывают.

Боря был настолько успешным, что несколько раз даже ездил по каким-то научно-студенческим делам за границу. По-

бывал он в Берлине и, кажется, в Копенгагене. Привёз он от туда какую-то серьёзную медаль. Ничего толком рассказать нам, своим приятелям, которые ни разу за границей к тому моменту не были, Боря не смог. Он только мямлил что-то про прекрасные условия, созданные там для таких, как Боря, «ботаников», и про серьёзное там государственное отношение к математической науке.

Боря окончил университет, стал аспирантом, стал румянее и пухлее, общительнее и немного веселее. Помимо сугубо науки, он подрабатывал созданием каких-то программ, настройкой каких-то компьютерных систем, но делал это неохотно и явно тяготился такой работой. Боря жил с мамой, мама часто болела. Боря о ней сильно заботился, страшно её любил и однажды, когда понадобились деньги на мамино лечение, даже устроился в бригаду по ремонту квартир. С ремонтом у него не сложилось. Боря во время отделки какого-то туалета испортил что-то дорогостоящее, и его уволили, да ещё повесили долг за сломанное.

Я не понимал, почему он не хочет зарабатывать своими математическими знаниями, программами и компьютерами. Для меня всё это было одинаковым тёмным лесом – и его наука, и любые прикладные программы. А он говорил, что ему легче разгружать вагоны, чем халтурить и заниматься элементарными вещами. Он утверждал, что его мозг бунтует и отказывается служить, когда он халтурит. В университете ему платили гроши.

Наше общение было редким, но регулярным. Раз в две недели, по субботам, Боря просил составить ему компанию. Он совершенно не интересовался и не понимал, чем занимаюсь я и мои друзья-приятели. Он не интересовался, о чём я думаю, и я боюсь, что он сомневался, умею ли я думать вообще. Он любил компанию нас – нематематиков – по субботам, раз в две недели. В нашей компании он, оторвавшись от своих цифр, расчётов и пересчётов, что называется, отрывался по полной. Чувствовалось, что это ему физически и во всех других смыслах было необходимо.

Раз в две недели Боря надевал свою единственную белую рубашку. По его мнению, это было достаточно и даже излишне нарядно. Одевшись нарядно, он тащил нас в любое шумное заведение, где можно было выпить. Боря очень быстро, и даже торопливо, напивался пьяным и сразу же, обязательно, шёл танцевать. Танцы Борины были отчаянными, смелыми, бескомпромиссными и сколь отчаянными, столь же нелепыми. Никто при всём желании не мог бы повторить его танец. Город наш небольшой, и у Бориных танцев появились даже свои фанаты.

В процессе танцев и между ними Боря всегда пытался знакомиться с девушками. С любыми! Со всеми, кто попадал в поле его слабого зрения. Очки на такие мероприятия Боря не надевал. Стеснялся, боялся их потерять или разбить, а может быть, он просто не хотел реально и чётко видеть мир, я не знаю.

Девушки от него шарахались, смеялись над ним между собой, украдкой показывали на него пальцами, или смеялись открыто. Он же норовил всех их угостить и закружить в танце. Нам стоило изрядных усилий удерживать его от этого, даже напоминания о больной и нуждающейся в лечении маме не помогали.

А сколько раз мы спасали Борю от побоев! Такой, как он, «ботаник» был просто редким лакомством для кряжистых ребят из предместий. Мы прятали, утаскивали, уводили рвущегося в бой Борю, который ощущал себя по субботам, раз в две недели, супергероем. Мы объясняли жаждущим бить Борю парням, что наш приятель – гений математики, а значит, полный идиот и придурок, и не стоит об него пачкать руки. Услышав такое, ребята иногда хотели бить Борю ещё азартнее. Тогда я сообщал им, что у Бори опухоль в мозгу и он может умереть в любую секунду, а обвинят их. Ребят это обычно успокаивало, но не всегда. Тогда били нас.

Раз в две недели, по субботам, ближе к утру, Боря напивался до беспамятства, всегда заблёвывал либо туалет заведения, в котором мы были, либо крыльцо перед заведением. После этого мы его спящего доставляли домой и передавали в руки мамы. Вот такой у меня был приятель. Ему нравилась такая жизнь, и это было отчётливо видно по нему.

Но однажды среди недели днём Боря позвонил мне и попросил с ним встретиться. По голосу в телефоне было слышно, что Боря взволнован, растерян и ему действительно на-

до поговорить. Мы условились о времени и месте. Я пришёл вовремя, но, обычно непунктуальный, Боря уже ждал меня в университетской кафешке. Я застал Борю сидящим за пустым столиком и смотрящим на этот столик невидящим и неморгающим взглядом. Он был бледен и заметно взъерошеннее и помятее, чем обычно. Я поздоровался, а он только бессильно улыбнулся в ответ.

Я выпил чашку кофе, Боря к своей не притронулся, и только тогда, когда я принялся за вторую, он заговорил. Боря медленно, но при этом сбивчиво поведал мне, что его пригласили в Америку.

Он рассказал, что принял участие в какой-то конференции или конкурсе, куда ездить было не нужно, а достаточно было просто отправить свою работу. Времени для подготовки отдельной и специальной работы у Бори не было, а университет настаивал на его участии в том конкурсе-конференции. Боря рассказал мне, что у него лежала в «долгом ящике» недозавершённая работёнка, которой он занимался в свободное время. Эта Борина тема никого в университете не интересовала, так как даже для математиков была сильно специальная, странная, отдельная и очень лично Борина. Ему пришлось её более или менее оформить, и он отправил её в надежде, что от него отстанут. Боря был уверен, что эти его экзотические экзерсисы останутся без внимания и никто его не побеспокоит.

– А позавчера ночью мне позвонили из Бостона, – сказал

Боря, – сказали, что им очень понравилась моя эта фигня. Точнее, они сказали, что в полном восторге от моей темы и зовут к себе работать.

– Шутишь?! – вырвалось у меня.

– Я и сам подумал, что это шутка, – грустно протянул Боря, – сказал им, что не могу, потому что надо сажать картошку, и мама будет недовольна. Я-то подумал, что это кто-то из вас меня разыгрывает. А потом сообразил, что вы в математике ни черта не понимаете, а со мной говорил математик, это точно.

– И что? Ты отказал? – совершенно ошарашенно спросил я.

– Да. Но они сегодня опять перезвонили, сказали, что очень меня хотят, заинтересованы во мне сильно, готовы финансировать мою тему, оплатят жильё и ещё дадут. Что-то они много денег пообещали. Короче, зовут.

– А ты?

– Я? Да отказался я!

– Ты с ума сошёл! – выдохнул я.

Честно сказать, услышав про то, что Боря отказался от Америки, я про себя обрадовался, потому что уже около минуты завидовал Боре лютой завистью.

– Отказался, – повторил Боря, – понимаешь... мне эта тема, за которую они ухватились, уже не очень-то интересна. Мне сейчас важнее другая.

И он попытался мне объяснить, какая математическая те-

ма его волнует и вдохновляет теперь. Я отмахнулся от этого, перебил Борю и, не веря тому, что он сказал, переспросил, действительно ли он отказался.

– Да отказался я, – опять подтвердил Боря, – но они такие упрямые, попросили ещё подумать. Сказали, что через неделю позвонят опять, но заверили, что готовы ждать и дольше. Сказали, подождут, пока я посажу картошку.

– И?!

– А я сказал, что потом картошку нужно будет через три месяца выкапывать.

– Ну?

– Подождут, сказали.

К концу нашего разговора я уже сокрушительно сильно завидовал Боре. Я задыхался от зависти, у меня от зависти аж закружилась голова. Я успел пожалеть о многом, например, о своём ненужном в Америке образовании и о том, что в своё время не поступил на математический.

А Боря после этого разговора пропал из нашей компании совсем.

Только иногда я встречал его в университете. Он всегда был понурый и осунувшийся какой-то. Поговаривали, что он собирается жениться. Это была невероятная новость. Но когда я увидел Борю в студенческой столовой, с молодой особой выше и много больше самого Бори, в коричневом платье и в очках, я поверил слухам. Шли месяцы, закончилось лето и ранняя осень, но Боря никуда не уезжал. Поговаривали,

что он совсем ушёл в работу и чуть ли не ночует в университете. Я перестал ему завидовать и почти начал считать его дураком. А как-то в середине октября Боря позвонил мне.

– Привет, – бодро прозвучало в телефоне, – вот звоню, чтобы попрощаться.

– Куда в этот раз?

– В Америку, – сказал Боря и подождал моей реакции, но никакой реакции не последовало, – поеду, дружище, – продолжил он, – не могу больше. Каждый день всё думаю и думаю об этом предложении. Из-за этого уже всё здесь ненавижу. Да и Америка ещё каждый день о себе напоминает...

– Что, продолжают звонить?! Зовут? – вырвалось у меня.

– Да нет. Они сказали, что всегда ждут. Сказали, что как надумаю... не звонят они. Вот только сама Америка-то кругом. Каждый день, так или иначе, да и напомнит о себе. Всё, не могу больше! Раньше-то я о ней и не думал никогда. Жил себе... А как только стало возможно туда уехать – всё... Ни о чём больше думать не могу. Даже решил жениться. Думал, отвлекусь. А как выяснилось – невеста-то только и думала, что об Америке. Послал я её. Хотя она, может быть, лучшее, что у меня было в жизни. Больше такую не найду.

– А мама? – перебил его я.

– Мама чуть ли не выпинывает меня в Америку. Говорит: «Уезжай, я хоть умру, спокойная за тебя». Всё брат, поеду. Устал.

– Так езжай!..

– Да не хочу я! – почти закричал Боря.

– Почему, Борька? Почему?! – не выдержал и, в свою очередь, почти закричал я.

Я почти крикнул на Борю и почти сказал ему, что любой бы на его месте, не раздумывая. Но Боря не дал мне этого сказать.

– Боюсь! Очень боюсь, – перебил меня он. – Ты пойми, я здесь-то урод, а кем я буду в Америке?

– Да не ссы, Борик! – стараясь изобразить беззаботный голос, сказал я. – Не понравится – вернёшься.

– Откуда? – после паузы тихо сказал Боря. – Из Америки? Не вернусь я. Оттуда не возвращаются. Не знаю, почему, но это знаю. Не понравится, говоришь? Это вряд ли.

Больше приятеля своего Борю я не видел никогда.

Я много раз думал впоследствии: а почему я так сильно завидовал Боре? Почему? Почему с таким трудом мне далась та самая интонация, с которой я сказал ему, мол, езжай, Боря. Почему я, хорошо и заботливо даже относясь к своему неуклюжему забавному приятелю, хотел, чтобы он так и жил рядом, мыкался, топтал своими нечищеными ботинками улицы нашего города и коридоры университета, где его не ценили, платили ему гроши и посмеивались над ним? Я же искренне желал Боре добра! Но я не хотел, чтобы он ехал в Америку, и завидовал ему чёрной, душной, лютой завистью. Почему?

Я думал об этом.

И я постарался ещё всерьёз подумать: а сам-то я хотел бы уехать в Америку?.....

Вот взять и уехать, уплыть, улететь? Вот так взять – и в Америку? Ну, допустим, дали бы мне билет, визу и сказали бы: «Давай, вперёд!».

Я думал об этом. Я размышлял, почему завидовал Боре, почему его отъезд так меня беспокоил, волновал и заставлял по этому поводу переживать? Я думал и понял, что если говорить серьёзно и ответственно, то уезжать в Америку я не хочу и, наверное, не хотел никогда, это я понял, потому что думал.

Ну, согласитесь, если рассудить здраво, трезво, а главное, предметно, что это значит – уехать в Америку?

Как бы далека и недоступна она ни казалась, всё-таки, если в Соединённые Штаты продают билеты, значит, эта страна существует. И если туда прилететь, приехать, приплыть, то там сразу, как минимум, надо будет куда-то пойти, где-то ночевать, что-то делать. А вот это мне трудно себе представить. И когда я завидовал Боре, я тоже себе этого не представлял.

Только недавно я понял, а точнее, просто смог себе признать честно, что завидовал-то я не его отъезду в Америку, а совсем другому. Я позавидовал тому, что Борю оценили! И оценили не где-нибудь в главной отечественной математической академии, и не главный министр математики за-

интересовался Бороными работами. В этом случае я был бы просто за своего друга рад и даже горд. Но Борю разглядели в Америке!!! Разглядели, оценили и захотели его.

Я не знаю, кто именно заинтересовался в Америке Борей. Понятное дело, что прочитали, рассмотрели его работу какие-то совершенно конкретные и реальные люди. Но было удивительное ощущение, что Борю ждёт сама Америка, что Америка в целом позвала его, что все Соединённые Штаты его ждут. Америка!!! То есть лично Мэрилин Монро, Элвис Пресли, все президенты в Белом доме, индейцы в прериях, ковбои в шляпах, статуя Свободы, кинокомпании «Коламбия Пикчерз», «Юниверсал» и т. д., и т. п.

С Борей у меня на глазах случилось чудо, и я завидовал потому, что чудо случилось не со мной. Я же никогда не хотел быть математиком, не хотел и близко быть таким, как Боря, «ботаником». Я не хотел другой жизни, я не хотел менять того образа жизни, которым жил, я не хотел никакой неизвестной мне, но конкретной Америки. Я всерьёз о ней не мечтал, как никогда не мечтал о том, чтобы меня похитили инопланетяне. Но чуда я хотел!!! Быть оценённым, увиденным, очень кому-то нужным я, конечно же, хотел! А Америка была какой-то удивительной, непонятной и совершенно недостижимой инстанцией и критерием.

Где-то теперь Боря? Каково ему? Какой он? Представить себе не могу.

Когда в моей жизни впервые появилась Америка? Когда я узнал о её существовании и ощутил её присутствие в своей жизни? Пытаюсь вспомнить и не могу. Тщательно анализирую воспоминания, и не получается найти отправную точку.

Зато я отлично помню, что, когда мне было лет пять, родители сделали мне костюм ковбоя на новогодний детский праздник. Сохранилась даже фотография. Но фотография – это просто документ. Гораздо важнее, что я это помню. А я помню, мне нравился костюм, мне нравилось быть ковбоем.

Мне сделали картонную шляпу, надели на меня клетчатую рубашку, к брюкам пришили бахрому, папа укоротил свои старые подтяжки, и для полноты образа на шею мне повязали мамин платочек. Помню, от платочка пахло духами. А главное, папа сделал, из отслуживших свой срок маминых сапог, две кобуры и ремень. В одну кобуру вложили красный пластмассовый пистолет, который мог брызгать водой и слегка напоминал револьвер, а в другую – железный игрушечный пистолет, не похожий ни на один реальный аналог. Пистолеты были самой слабой частью костюма. На ногах у меня были кеды. Но я почему-то был уверен, что для ковбоя это самая подходящая обувь.

Я оказался тогда единственным ковбоем на празднике. Я полагал тогда, что все зайцы и медведи, а также белки и снежинки смотрят на меня, восхищаются и завидуют. Вот только приз за лучший костюм мне не достался даже близко. Да

и Дед Мороз удивил, когда позвал меня к себе для чтения стихотворения и чтобы выдать мне подарок. Он сказал: «А вот мальчик в шляпе сейчас почитает нам стишок». Я удивился. Я не был мальчиком в шляпе, я был ковбоем.

Но я не помню, чтобы слово «ковбой» и сам образ ковбоя в моём тогдашнем сознании как-то были соотнесены с Америкой. Смотрел ли я к своим пяти-шести годам фильмы про ковбоев? Видел ли я хоть один такой фильм тогда? Увлёк ли меня он, понравился ли? Не помню! Совсем не помню. Но то, что быть ковбоем – это здорово, я знал. И само слово знал откуда-то. Откуда? Как оно стало мне известно? Вот это вопрос! На него у меня нет ответа.

Про мушкетёров мне рассказывала бабушка. Она любила книги про мушкетёров, показывала мне сами эти книги, картинки в них показывала и говорила: «Подожди, потом сам будешь эти книги читать. Да так будешь читать, что за уши не оттянешь». То есть как я узнал про мушкетёров и что они были французами, я помню, и помню отчётливо. К тому же на каждом детском костюмированном празднике парочка разного качества мушкетёров всегда попадалась.

А откуда я узнал про ковбоев? Не врождённое же это было знание! Да и все дети моего возраста, увидев мой костюм, знали, что это костюм ковбоя. Дед Мороз тоже наверняка знал, просто сделал вид, что не знает.

Не припомню также, что я сам попросил или хотя бы изъяснил желание нарядиться ковбоем. Думаю, что это папа во-

плотил какое-то своё желание. А как ещё объяснить то, что он долго вырезал из картона и клеил шляпу, кроил из сапог и кропотливо шил две кобуры, то, что вытачивал напильником железную пряжку для ковбойского ремня? Папе это было явно важно, и даже важнее, чем мне. Почему? Почему именно ковбой? Пират, Кот в сапогах, русский богатырь и даже космонавт были бы понятнее и, наверное, легче воплотимы. Про моряка и лётчика я даже не говорю.

То есть в возрасте около шести лет я уже был ковбоем, но про Америку ещё не думал и никак её себе не представлял. Ковбои для меня существовали, а Америка ещё нет.

А папа после того карнавала был какой-то грустный. Сейчас я думаю, что он хотел успеха и триумфа сделанного им костюма. А этого триумфа не случилось. Лучшими были признаны снежинка лет четырёх и толстый Кот в сапогах.

А мне не хотелось переодеваться после праздника. Я готов был идти домой по морозу ковбоем. Я хотел восхищённых взглядов, я хотел зависти. Но мороз был нешуточный. Пришлось снять и шляпу, и ремень, и пистолеты. Да и мамин платочек с шеи тоже. Нужно было надеть скучную шапку, пальто, шарф и тёплые скучные ботинки.

Когда я снимал с шеи пахнущий мамиными духами платочек, я спросил папу, носят ли ковбои такие платки и зачем они их носят на шее? Папа ответил не сразу. Он ответил, когда мы шли домой и хрустели снегом. Папа, как толь-

ко мы вышли на улицу, жадно, сосредоточенно и задумчиво закурил. Он шёл, нёс в пакете ковбойский костюм и курил. Шёл папа быстро, я всё время отставал и догонял его короткими перебежками. Так папа ходил, когда о чём-то думал, забывая о том, что я рядом и не могу поддерживать взрослую скорость.

– Платки они носят, – неожиданно сбавив шаг, сказал папа, – чтобы закрывать нос и рот от пыли. Понимаешь, там, где ковбои живут, случаются настоящие пыльные бури, и тогда совершенно нечем дышать.

А когда ковбои скачут на лошадях, из-под копыт тоже летит такая пылица! Вот они платок с шеи и повязывают на лицо. Ниже глаз повяжут и дышат сквозь него. Но у мамы платок шёлковый, сквозь него не подышишь. А другого не нашлось. Но всё равно получилось похоже.

Я семенил рядом с папой, слушал его и фантазировал какие-то просторы, пыль, всадников в шляпах, но Америки для меня ещё не было. А вот для папы была.

Где-то в том же возрасте, или чуть позже, мне читали книгу «Волшебник Изумрудного города». Там девочка Элли... Ой! Нет смысла пересказывать эту книгу. Те, с кем в детстве эта книга случилась, и так её помнят, а с кем не случилась, тем нет смысла её пересказывать. А книга была любимая, родная и перечитанная в детстве много раз.

Иллюстрации в ней были не просто засмотрены до дыр,

они были детально изучены и до сих пор накрепко уложены и закреплены в памяти. Сама история и картинки вызывали самые сладкие фантазии и желания.

Как же хотелось иметь таких, как у героини, друзей, такие же волшебные предметы, а главное – приключения! Все имена, все названия из этой книги были приятны слуху. Все они запомнились.

Именно по этой причине я, не заглядывая в книгу и не притрагиваясь к ней, вот уже несколько десятков лет отлично помню, что девочка Элли жила с родителями в маленьком временном домике в Канзасе. А папа Элли был фермер по имени Джон.

На картинках была изображена совсем пустынная местность без деревьев, только покрытая травой. Дом, в котором жила Элли с родителями, весьма сильно напоминал вагончик, какие привозят откуда-то и устанавливают на строительных площадках для бытовых нужд строителей или для пристанища сторожей. Отечественный художник-иллюстратор так его нарисовал. Возле этого домика были нарисованы какие-то столбы, между которыми, на натянутой верёвке, сушилась вся залатанная одежда, которую трепал ветер. Вот такой там был Канзас, так я его себе и представлял.

А ещё в книге было написано, что папа Элли, который, как я уже говорил, был фермером, выкопал возле домика большую яму, куда можно было бы спрятаться в случае урагана, которые в том книжном Канзасе случались частенько и были

очень сильными.

Исходя из всей этой информации, содержащейся в тексте и в иллюстрациях, моё воображение рисовало мне пыльную, сухую и малопригодную для жизни местность, где добрая, воспитанная, с очень хорошей речью и даже манерами девочка жила с мамой и папой весьма скромно, если не сказать бедно. Жили они в строительном вагончике. Про ближайшую деревню, город, про какую-нибудь дорогу, про школу, в которой бы Элли училась, про магазин или какие-то другие признаки устройства страны и цивилизации в книге не говорилось. Во всяком случае, я этого не помню. Элли жила в Канзасе и всё. Коротко и ясно.

Если героиню звали бы не Элли, папу не звали бы Джоном и он не был бы фермером, а был бы пастухом, конюхом или шофёром, то можно было бы подумать, что Канзас – это сказочно-литературное название Казахстана. Уж очень там, у них в Канзасе, всё было какое-то привычное. Да и маму Элли звали Анна.

Слово «фермер» запомнилось мне сразу. Папа Элли был фермером, и он занимался каким-то сельским хозяйством. Его крестьянином в книге никто ни разу не назвал. И хоть про него почти ничего не говорилось, и ни на одной картинке фермер Джон не фигурировал, как-то было понятно, что он не похож на тех мужиков, которых я видел, когда гостил у бабушки в деревне.

Бабушкины соседи и другие деревенские жители занима-

лись разнообразным сельским хозяйством, но ни одного никто и никогда не называл фермером. А значит, семья Элли жила бедно не потому, что папа Джон пропивал заработанные тяжёлым трудом деньги. Вряд ли фермер Джон матерился и вряд ли в пьяном угаре бил или гонял по канзасской степи жену Анну и свою маленькую дочь.

А у Элли была такая грамотная речь и такое хорошее воспитание, что, конечно же, Джон был не крестьянин, а именно некий фермер. Мне это было ясно уже в шесть-семь лет.

Но главное – это то, что Канзас было первое географическое название, долетевшее до меня из Америки и запомнившееся крепко и на всю жизнь. Хотя я и знать не знал, что это слово имеет конкретное и определённое значение, что это не выдуманная, несуществующая страна, а что это название одного из американских штатов. Я тогда ни про какие штаты и понятия не имел. Но слово «Канзас» забито было в память, как гвоздь. Оно было первым сугубо американским словом в моей жизни.

И вот что забавно... Теперь-то я знаю, что Америка, точнее, страна Соединённые Штаты Америки, состоит из штатов, и один из них называется Канзас. Это совсем не сказочная страна. Но когда я слышу или читаю слово «Канзас», для меня это всегда и прежде всего пыльная степь, ветер и маленький домик, похожий на вагончик. А ещё я теперь знаю, что есть штат Арканзас. Это разные штаты. Но про Арканзас

я в детстве не слышал. С ним у меня нет никаких ассоциаций.

Со следующим американским географическим названием я познакомился немного позже, чем с Канзасом. Точнее, я узнал слово, пользовался им, но не знал, что оно связано с Америкой.

Одна моя бабушка жила неподалёку в деревне, а другая далеко от моего Родного города. С бабушками такое бывает. У многих моих знакомых, а значит, у многих людей вообще бабушки живут или жили в каких-то отдалённых и, как правило, приятных местах. Так что поездка «к бабушке» для многих и многих – это что-то радостное, счастливое и чаще всего летнее. Так было и в моём случае. Моя бабушка жила, как говорится, на Юге. Да ещё и на берегу Азовского моря, в приморском городе. Она переехала туда из родных суровых мест, когда мне не было и пяти лет.

С середины июня или с середины августа меня отправляли к бабушке на Юг. Я этого всегда ждал и любил такие летние каникулы. У бабушки был свой небольшой домик с участком. Этот дом находился в районе порта, так что весь тот околоток называли просто «Гавань». «На Гавани» (так там говорили) жили тётки, торговавшие на рынке свежей рыбой. Ночью они скупали улов у браконьеров прямо на берегу, куда те приплывали на своих лодках. Ещё на Гавани жили сами браконьеры. Кроме них там хватало другого разного лю-

ду. Домики у всех были небольшие, огородики тоже. Всюду через заборы свешивались ветки фруктовых деревьев. Местные жители, кажется, с ума сходили от цветов. Над буйными цветниками кружилось множество бабочек, пчёл и других летучих тварей, которые для меня, привыкшего к холодам и короткому лету, были в радость и диковинку.

Огородики тоже были у всех. Помню, бабушка и все её соседки очень много трудились на этих своих маленьких огородиках. Бабушка жаловалась на солёную и трудную приморскую землю, на жару и на редкость дождей. В июле она каждый день поливала свой огород, таская воду вёдрами. Уж очень для неё было важно и азартно вырастить хоть немного своей редиски, картошки, огурцов, помидоров и всякой зелени. Хоть немного, но своей!

Помимо соли в почве, зноя и засухи, бабушкин урожай постоянно норовили сожрать или хотя бы попортить разные зловередные твари. Птиц вяло отпугивало настоящее огородное пугало. Отпугивало не очень эффективно, но хоть как-то. А вот с насекомыми надо было бороться всерьёз. И насекомых было много и разных. Я таких в родных краях и не видывал.

Помню, приехал я к бабушке после первого своего школьного года. На второй или на третий день пребывания на Юге сидел я во двореке возле дома, маялся на солнцепёке и вдруг увидел ползущего по земле жука. Жук был на вид неопасный, очевидно, некусачий, небольшой, симпатичный, полз

медленно. Разумеется, я его тут же схватил и стал рассматривать. А жук был классный! Такого я до сих пор не встречал. Это было первое моё посещение Юга.

Пойманный мною жук формой напоминал божью коровку, но был существенно крупнее. У него были оранжевые лапки, оранжевое брюшко, а сам он был такой бежевый, в чёрную продольную полоску. Сейчас я понимаю, что это чертовски нарядное и даже элегантное сочетание цветов. А тогда жук мне просто понравился. Да к тому же он вёл себя неагрессивно, подолгу мёртвого из себя не изображал, а также и не убегал. Он не укусил меня, не напускал на пальцы и ладонь резко пахнувшей жёлтой жидкости, как это обычно делали пойманные божьи коровки, не навонял, как остромордый клоп-вонючка. Один раз он, правда, расправил крылышки и попытался улететь, но я пресёк эту его попытку.

Я без всяких опасений зажал жука в кулаке и пошёл искать какую-нибудь банку или коробку, чтобы там своего жука разместить. Ничего подходящего не нашёл, потому что у бабушки во дворе и доме царил идеальный порядок. Тогда я отправился на огород. Бабушка согнувшись возилась там с каким-то растением.

– Баба! Дай мне баночку какую-нибудь, – издалека крикнул я.

– А зачем тебе? – спросила она, не разгибаясь.

– Жука туда надо посадить.

– Какого такого жука? – сказала бабушка и выпрями-

лась. — Ну-ка, неси его сюда, показывай.

Я нехотя побрёл к бабушке. К тому возрасту я уже хорошо знал нелояльное отношение взрослых к насекомым и не раз убедился в том, что они не разделяют детской к ним симпатии и интереса. Но реакция бабушки на того моего жука была слишком резкая. Когда я подошёл к бабушке и, протянув вперёд руку, разжав пальцы, продемонстрировал ей лежащее на ладони насекомое, моя любимая бабушка резко ударила меня по руке, жук упал на землю, а бабушка немедленно и сильно на него наступила. Она даже несколько раз подвигала и покрутила ногой, чтобы наверняка убить, раздавить, уничтожить моего жука. Её реакция была для меня такой неожиданной и обидной, что подбородок мой задёргался, а на глаза накатили быстрые слёзы. Я бы понял, если бы так бабушка отреагировала на крысу, ядовитую змею или страшную, мерзкую многоножку. Но жук-то был безобидный и даже милый.

— Чтобы я не видела больше, что ты эту мерзость тащишь на мой огород, — сказала бабушка очень строго, — и в дом не смей её тащить!.. И в руки брать не смей! Выдумал тоже! Колорадского жука в банку сажать?! Вот догадался-то!.. — не унималась она. — И запомни, где бы ты эту дрянь не увидел, дави немедленно! Это самый страшный паразит! Самый злостный вредитель. Спасу от него нет!

Потом, разглядев мои слёзы и испуг, бабушка уже спокойно объяснила мне, что это был колорадский жук, что он бе-

да, бич, ночной кошмар любого огородника и сельского хозяйства в целом. Сказала, что с ним очень трудно бороться, потому что живуч и ненасытен колорадский жук.

Колорадский?! Я тут же вспомнил песенку, которую мы пели в детском саду.

Зацвела картошка, зеленеет лук,
По полю шагает колорадский жук.
Он ещё не знает, не ведаёт о том,
Что его поймает сельский агроном,
Крылышки отрежет, ноги оторвёт,
Голову открутит, и жучок умрёт.

Песня эта напевалась на лихой мотивчик. Я представлял себе большого весёлого жука, такого хулигана, который топчет посевы, тем и заслуживает смерти. Слово «колорадский» звучало непонятно, но звонко и радостно. Мне казалось, что это такое странное и непонятное слово, которое как раз и означает – большой, весёлый, хулиганистый. Жук этот рисовался в моём воображении, как персонаж мультфильма. Я не знал тогда, что это название реального насекомого. (Дело в том, что тогда, когда я был ребёнком, колорадский жук не забрался ещё так далеко на восток, не достиг Родных моих мест. Но он уже тогда медленно продвигался, привыкая к новым климатическим условиям. И он дошёл-таки и пополз дальше. Когда-то не знавшие этого полосатого вредителя люди теперь прекрасно его знают, изучили его повадки и

бoryются с ним как могут. Но колорадского жука не остановить. Теперь он медленно осваивает северные широты.)

Помню, однажды, находясь в любознательном среднем школьном возрасте, смотрел я передачу, в которой рассказывалось о том, как колорадский жук попал из Америки в Европу на корабле. Это показано было при помощи простенького мультфильма. По карте мира плыл из Европы в Америку кораблик, а по Америке ползал колорадский жук. Он был огромным в масштабе карты мира. Кораблик доплыл до Америки, развернулся и поплыл обратно. Но жук успел забраться на него и, добравшись до Европы, сразу же направился через Европу к нам.

За первое моё лето на Юге у бабушки я убил много колорадских жуков. Тогда же я видел и плачевные последствия их деятельности на бабушкином огороде. Я убедился, что жук действительно вредный и ненасытный, что он уничтожает результаты бабушкиного тяжёлого и кропотливого труда. Но когда я давил очередное полосатое насекомое, я не мог не признаться себе, что мне жалко ломать, портить и убивать такое красивое существо. Первое благоприятное впечатление не покидало. И до сих пор я считаю и берусь утверждать, что колорадский жук выглядит симпатично, нарядно, он безобидно себя ведёт с детьми и его можно даже назвать красивым.

Забавно, не правда ли, что колорадский жук был первым сугубо американским предметом, привезённым из Америки

через океан, который я держал в руках. У него на брюшке вполне уместно смотрелась бы гордая надпись маленькими буквами: «Made in USA».

Но я тогда об этом не знал. Не знал, что в слове «колорадский» содержалось название американского штата Колорадо. Понятное дело, что название этого штата, для меня и очень многих, навсегда и накрепко связано с этим полосатым жуком. Целый штат для меня в моём сознании связан с жуком, а не жук со штатом.

А вот любопытно, в штате Колорадо есть эти жуки? И если они там есть, то как их там называют – «Наш жук», что ли? Интересно было бы узнать.

Меня ужасно удивило и даже поразило, когда я узнал, что в Америке аттракцион «американские горки» называют «русские горки». У меня эта информация не укладывается в голове. Неужели американцы могут думать, что это развлечение придумали у нас? Не могу в это поверить! Это же настолько не наша штука! Ну совсем не наша.

В первый раз я увидел американские горки в маленьком перевозном парке аттракционов, который привозили в наш город летом. Там были разные качели, карусели для маленьких детей, к каковым я себя тогда уже не причислял. Был тир с воздушными ружьями, комната страха с нестрашными чучелами и ещё какие-то радости. Но над всем этим возвышалась конструкция, по которой вверх и вниз с грохотом и

с немыслимой скоростью катились красные, синие и жёлтые вагончики, в которых сидели люди. Люди орали и визжали от восторга и страха.

Когда мы ходил с папой в этот парк, я подолгу простаивал, глядя на ту конструкцию. По возрасту, а главное – по росту, мне ещё нельзя было испытать это приключение, а мне и очень хотелось, и было очень страшно. Всё вместе. В какие-то моменты, когда женский визг звучал из летящего по рельсам вниз вагончика особенно отчаянно, я даже был рад тому, что мне не продают билет на этот аттракцион, а то пришлось бы пережить то, что заставляло кого-то так визжать. Папа вместе со мной стоял и смотрел. Ему очень хотелось, это было ясно. Но он не шёл прокатиться из солидарности со мной. А я хотел, чтобы он это сделал. Я был уверен, что мой папа проедет быстрее и лучше всех и уж точно не станет кричать от страха и вообще бояться.

Возле этого аттракциона громко играла музыка, видимо, для того чтобы заглушить грохот и вопли. Музыка была очень энергичная, лихая, весёлая, какая-то дребезжащая и очень уж не наша. Это сильно потом я узнал, что такая музыка называется «кантри», дребезжит инструмент банджо и что это американская музыка. А тогда я этого не знал. Зато на кассе, перед входом на тот аттракцион, был нарисован человек в шляпе, платке на шее и с пистолетами. Один пистолет он держал в руке и стрелял куда-то вверх, второй же торчал у него из кобуры. Мне приятно было видеть это изобра-

жение. Это же был мой коллега-ковбой. Я был рад ему как старому приятелю, но билет мне всё равно не продали.

Нигде на этом аттракционе не было написано, что это «американские горки». Но все это знали. И мой папа знал. Именно он сказал мне: «Посмотри! Это американские горки». Но тогда я тоже не ощутил в этом названии отголоска некой реальной Америки, и уж тем более страны США. Просто вся та сложная и большая металлическая конструкция, снующие яркие, блестящие вагончики и вопли радостного ужаса были очень не местными и не нашими. Вот и всё.

Однако что же получается? При первом же моём знакомстве с чем-то «американским» я сразу же испытал любопытство, сильное притяжение, страх, возможность попробовать что-то непробованное, опасное и в то же время манящее, но главное – недоступное мне совершенно. Подобные чувства я переживал потом долгие годы по отношению ко многому американскому. Да и сейчас, наверное, переживаю.

Когда-то самыми высокими строениями в городе моего детства были два стоящих рядом шестнадцатизэтажных дома. Они стояли не в центре, но их было видно из разных районов города и даже при выходе из здания вокзала на привокзальную площадь. Эти две шестнадцатизэтажки построили на холме, и поэтому они возвышались над городом.

Были они одинаковые, стояли рядом друг с другом, и поэтому многие называли их «близняшками».

– До «близняшек» подбросишь? – можно было сказать таксисту, и он знал, о чём шла речь.

Какие-то народные имена были и у других зданий и строений в нашем городе. Например, три стоящих друг за другом общежития для рабочих одного из заводов назывались в народе «три поросёнка». Так их прозвали, видимо, потому, что сами здания общежитий были грязными и вокруг них всегда было грязно. Любой длинный, многоподъездный дом называли горожане «китайской стеной».

Думаю, что в каждом городе нашей огромной страны, да и не только нашей, в маленьком или большом городе, обязательно найдётся строение, которое местные жители называют «белый дом». Это обычно какое-нибудь белое, почти белое или просто светлое здание, хотя бы с парой колонн при выходе или на фасаде. Но белым домом могут назвать и дом совсем без колонн, и совсем даже не белый. Это может быть и серый и коричневый дом, который некогда был белым. Просто его перекрасили. Но народная память и молва сохранили старое прозвище. Однако здание, называемое горожанами «белым домом», могло с самого начала быть не белым, а просто административным, в котором находилось и работало местное руководство. Дачу или особняк какого-нибудь крупного начальника районного или областного масштаба тоже могли прозвать «белым домом».

В нашем городе общественный туалет в центральном городском парке также называли «белым домом». Туалет этот

каждое лето белили, и вход в него украшала колоннада.

Когда папа смотрел или слушал новости, которые меня в детстве не интересовали совершенно, и до меня долетали слова диктора, типа: «...сегодня в Белом доме состоялось...» или «в Белом доме не намерены...», мне было смешно. Для меня-то «белый дом» – было окружённое кустарником небольшое сооружение в городском парке. Этот «белый дом» можно было отыскать даже с закрытыми глазами, исключительно по запаху. А зайти в него можно было, только предварительно глубоко вдохнув в себя свежего воздуха, и потом, войдя внутрь, постараться успеть справить малую нужду, не вдыхая жгучую и крепкую вонь, от которой глаза резало до слёз. Вот только вдохнуть свежего воздуха возле нашего «белого дома» было практически невозможно. Так как многие и многие не решались, не могли себя пересилить и не заходили внутрь, а делали то, для чего к «белому дому» спешили, в близлежащих кустах или вдоль белёных стен.

Далеко не сразу американский Белый дом в Вашингтоне был мною понят как первоисточник всех других «белых домов». Это понимание пришло постепенно, с годами и с информацией. А знание о том, что Белый дом – это резиденция президента Соединённых Штатов Америки, пришло ещё позже. Долгие годы, уже не ассоциируя словосочетание «белый дом» с вонючим туалетом из моего детства, я не имел представления о том, как этот настоящий дом выглядит. Единственно только я не сомневался, что он белого цве-

та.

Когда же я наконец увидел его на какой-то фотографии в журнале, прочитал под фотографией, что это именно тот самый Белый дом, от которого все остальные взяли своё название, я очень сильно удивился. Удивился прежде всего потому, что он был маленький. Я-то представлял себе нечто большое и фундаментальное.

Помню, какое-то время Белым домом я считал, например, американский Капитолий, когда видел его в каких-то новостях. А что? Я видел большое величественное здание, с колоннами и с куполом, белое. Оно находилось в Америке, и в нём что-то происходило такое, из-за чего его показывали в новостях. Чем тебе не Белый дом? Очень даже! Но настоящий оказался маленьким и каким-то некрасивым, что ли. У нас в южных и приморских городах южные и восточные люди делали и делают себе дома и побольше, и поизобретательнее.

А как, интересно, резиденция президента Соединённых Штатов приобрела это название? Может быть, какой-нибудь поэт его так назвал? Или этим названием президент хотел сообщить нации о чистоте своих замыслов?

Хотя, наверное, всё было проще. Этот вашингтонский Белый дом такой невыразительный, что про него, видимо, говорили так: «Тут недалеко дом построили». А кто-то спрашивал: «Да? Интересно! И какой же дом получился?» – «Какой? Да как вам сказать?.. Белый». Или можно представить

себе такой диалог: «Будете идти, идти, а потом справа увидите дом, вы его пройдёте...» – «А какой дом?» – «Какой? А действительно какой? Как бы вам сказать?.. Да белый дом, вот и всё. Не ошибётесь».

Я был удивлён тем, что самый главный белый дом такой, какой он есть. В стране небоскрёбов, в стране гигантских зданий – и вдруг такой маленький дом. При этом название этого небольшого и невыразительного строения знают все жители планеты, у которых есть телевизор, радио или хотя бы возможность читать газеты. Любые газеты. Потому что в любой газете нет-нет, да и напишут что-нибудь про Белый дом. И не про местный, а про тот самый.

Когда же в Нью-Йорке самолёты врезались в два одинаковых огромных здания и все новости были только об этом, я не отрывался сначала от радио, а потом от телевизора, я слушал репортаж за репортажем, а следом смотрел и смотрел выпуск за выпуском. Репортёры, журналисты и дикторы то называли эти здания Всемирным торговым центром, то Башнями-близнецами. Как только я услышал название «Башни-близнецы», я тут же вспомнил две шестнадцатизэтажки, возвышавшиеся над в основном пятиэтажным городом моего детства. Пока я слушал новости о той трагедии по радио, два шестнадцатизэтажных дома так и вставали в моём воображении. Для меня именно они были атакованы, пока я не

увидел по телевизору кадры произошедшего.

До того, как эта страшная беда случилась, я и знать не знал, и слыхом не слыхивал ни про Всемирный торговый центр, ни про Башни-близнецы. Когда в каком-нибудь фильме фигурировала панорама Нью-Йорка и Манхэттена, мой взгляд не выдёргивал два этих здания из общего нагромождения гигантских, непостижимо высоких и, тем самым, удивительных домов. Это теперь, когда я смотрю какой-нибудь американский фильм, снятый до трагедии, то есть когда обе башни ещё стояли на месте, я их тут же выделяю из остальных силуэтов манхэттенского пейзажа. Вижу их и сам себе говорю: «Ага! Вот они, родные. Ещё живы. А фильм-то не новый».

Когда их больше нет, я их стал узнавать. Какие же они огромные! Наши шестнадцатизажки даже маленькими называть нельзя по сравнению с этими небоскрёбами.

А когда-то слово «небоскрёб» меня забавляло. Когда-то для детско-школьного моего слуха оно было странным и смешным. Как только я его услышал в первый раз, я сразу понял, из каких частей оно состоит, из слов – «небо» и «скрести». Это как овощерезка, картофелечистка или дырокол. Когда же я увидел небоскребы в кино, то понял, что эти дома вполне заслуживают своего названия.

Когда в нашем городе, а я к тому времени уже закончил школу, построили гостиницу аж в двадцать два этажа, и она

обогнала по росту старенькие шестнадцатизэтажки, многие горожане сразу стали называть новую гостиницу «небоскрёбом». А гостиница имела претензии на такое звание. Узкое это здание блестело большими зеркальными окнами, сверкало стальными рамами и углами, вот только высотой было всего двадцать два этажа. Поэтому городские жители, говоря про новую гостиницу, произносили слово «небоскрёб» иронично, шутейно и всегда вставляли перед словом «небоскрёб» слово «наш».

А в мире много высоких зданий, которые при желании или даже по сути можно назвать небоскрёбами. Но про знаменитые высотные здания в Москве мы говорим: «московские высотки». Потому что здание Московского университета или Министерства иностранных дел – это именно высотки, а не небоскрёбы. Но даже совершенно похожие на американские небоскрёбы высоченные здания в любых странах мира, кроме Америки, всегда требуют уточнения: парижский небоскрёб, или арабский, или сингапурский, сиднейский, шанхайский... Да какой угодно! И только американские небоскрёбы не требуют никаких дополнительных уточнений. «Американский небоскрёб» – звучит нелепо. Небоскрёб в Америке, он тебе и есть небоскрёб. При слове «небоскрёб» у любого человека, ни разу не побывавшего, как и я, в Америке, сразу же в памяти и сознании проявляются картинки из бесчисленных фильмов, передач, журналов... И это прежде всего Нью-Йорк, Манхэттен. Америка! А как же?!

Небоскрёбы же там родились, они там свои, они там коренные жители.

Я не слыхал про эмигрантов и эмиграцию из Америки. Иммигрировали и продолжают иммигрировать скорее туда. Но вот небоскрёбы за пределами Америки кажутся эмигрантами из Соединённых Штатов.

Скребущие небо дома! Как в них живут люди? Я это себе не представляю. При этом я знаю, что многие небоскрёбы являются жилыми домами. В них есть квартиры, а значит, есть шторы на окнах, кухни, спальни, детские комнаты. В каждой квартире свой запах, своя жизнь. Мне трудно это представить, точнее, я этого совсем представить не могу.

Вот я не был в Японии, но жизнь в японском традиционном доме я как-то себе представляю. Я видел японское кино, какие-то передачи о Японии. Там традиционный дом совсем и абсолютно отличается от тех домов, которые я знаю у нас или, скажем, видел в Европе. У японцев в домах сдвижные двери, стены из бумаги, очаг посреди комнаты, нет кроватей и стульев, а столики – одно название. Но я могу представить, как там живут люди. И в Индии я не был, но представляю, как могут жить индусы в своих, с позволения сказать, домах. И как живут северные народы в домах из шкур, и жизнь африканцев в крошечных лачугах представляю. Как в Латинской Америке устроена жизнь в жутких трущобах, я себе то-

же могу представить.

Я допускаю и даже знаю, что мои представления неверны. Но у меня есть эти неверные представления. А как человек может жить в небоскрёбе, я не могу себе представить совсем. Хотя, возможно, где-то в таком вот небоскрёбе живёт себе мой приятель Боря, который уехал в Америку и исчез из моей жизни безвозвратно. Живёт он там себе нормально. И в его комнате совершенно такой же беспорядок и такой же бардак, какой был у него всегда в то время, когда он жил в соседней пятиэтажке. Я представить себе этого не могу. Боря в небоскрёбе не представляю.

Не представляю, потому что в моих ощущениях небоскрёбы построены не для того, чтобы в них жить, и даже не для того, чтобы в них сделать офисы и там работать. Они в моих ощущениях сделаны исключительно для того, чтобы создать особый, неповторимый и отдельный от всех других стран и континентов ландшафт и пейзаж. Небоскрёбы, Манхэттен и центры многих больших американских городов – это какие-то особые условия жизни, какие-то рукотворные скалы и каньоны, в которых протекает, осуществляется, пульсирует неведомая мне американская жизнь. А иногда мне кажется, что небоскрёбы – это самая грандиозная и дорогостоящая декорация для американских фильмов.

Сколько же я видел фильмов, действие которых происходит среди небоскрёбов! Не сосчитать этих фильмов. И сколько я видел узких улочек, зажатых между глухих стен, ухо-

дящих куда-то ввысь. Чаще всего в кино эти улочки фигурируют ночью. Большие мусорные баки, железные лестницы вдоль стен, из канализационных люков вырывается и клубится пар, обычно подсвеченный синим светом. И всегда на этих улочках творится беззаконие и ужас. Звуки сирен полицейских машин долетают в эти тёмные щели между небоскрёбами уже приглушёнными и издалека.

Бесконечное количество раз я вместе с героями американских фильмов летал на вертолёте над Нью-Йорком и над другими большими американскими городами. Летал над самыми крышами небоскрёбов и даже между ними. Я видел множество этих гигантских зданий издалека, вблизи и при любом освещении, но не понимаю, как в них можно жить.

А сколько раз американские кинематографисты подвергали эти великолепные огромные строения разрушению или обрушивали на них ужасы и стихии. Я видел множество вариантов разрушений Нью-Йорка и других городов Америки.

Видел я, как на Манхэттен накатывали гигантские океанские волны, и в этих волнах гибло большинство жителей. Видел Нью-Йорк, замороженный лютной стужей и засыпанный снегом, в котором небоскрёбы стояли по пояс. На моих глазах, а точнее, на экране, на небоскрёбы падали астероиды из космоса, страшные землетрясения сотрясали их, вулканическая лава вырывалась из трещин в асфальте улиц между небоскрёбами. Безжалостные инопланетяне применяли по

этим домам своё инопланетное оружие.

Я видел огромных роботов, которые устраивали битвы на улицах американских городов и тем самым несли разрушение и смерть. Динозавры или вышедшие из океанских глубин ящеры чудовищных размеров бегали по Нью-Йорку и крушили всё на своём пути. А кто не помнит очень большую обезьяну на крышах Манхэттена?!

Мы видели в кино пустующие после разнообразных катастроф и войн американские города, населённые дикими животными или превратившимися в безумных тварей людьми. Небоскрёбы в таких опустевших городах всегда были блёклыми, запылёнными или заплетёнными какими-то вьющимися растениями.

Меня всегда удивляло и удивляет, с каким удовольствием американские кинематографисты разрушают свои города. С особым наслаждением они уничтожают именно Нью-Йорк. Им почему-то это нравится. Но и американским зрителям, то есть жителям этих городов, тоже, должно быть, это нравится. Если бы им не нравилось, они бы не ходили и не смотрели такие фильмы.

А вот интересно, мне бы понравилось смотреть кино, в котором какие-то твари, или космические тела, или жуткие катастрофы уничтожали бы город, в котором я родился или живу теперь, или какой-то областной центр, или столицу моей страны? Таких фильмов я пока не видел, но зато я видел много военной кинохроники, где знакомые города ле-

жат в руинах, горят или на улицах идут бои. Страшные кадры! На них грязь, пыль, битый кирпич. Страшно! Но совсем не так, как от зрелища разрушений в американских фильмах. То есть не заворачивающе, не жутко, не захватывающе, а просто страшно. Страшно и некрасиво.

Конечно же, только среди небоскрёбов могли завестись такие герои, как Человек-паук, Бэтмен или Супермен. Ни в одном нашем городе или в Европе они не появились бы. Как нелепо выглядел бы Человек-паук среди наших типовых пяти-, шести-, семи-, двенадцатиэтажек, из которых в основном состоят наши областные центры. Эти дома невысокие, а улицы довольно широкие. Так что паутина Человека-паука провисла бы из-за расстояния и под весом самого Человека-паука. Тогда он грохнулся бы об асфальт, или на трамвайные пути, или, того хуже, запутался бы в проводах. Так что у нас не могут завестись и появиться такие чудесные герои.

Ну а в старой Европе им тоже делать нечего. Там дивная архитектура, но там нет небоскрёбов. Для них там не будет размаха. К тому же там давно фигурируют граф Дракула, Джек Потрошитель, Мистер Хайд и Человек-невидимка. У них там уже сложился определённый репертуар, традиционный стиль поведения, действуют они по старинке, к ним все уже давно привыкли. Там их территория. Поэтому сложно представить себе Человека-паука в Венеции, на Монмартре или на Биг-Бене. Равно как и Дракула вряд ли убедительно

смотрелся бы летящим над Гудзоном, на фоне знаменитых небоскрёбов. Он же граф.

Мне интересно было бы попробовать посмотреть фильм про Человека-паука глазами жителя Нью-Йорка. Каково это – видеть красиво летящего фантастического героя над знакомой тебе улицей, мимо знакомого тебе магазина, аптеки, парикмахерской, автобусной остановки, мимо дома, в котором ты живёшь, мимо твоих окон. Не могу представить себе такое кино, снятое в городе, в котором я живу.

Не могу представить, чтобы кто-нибудь смог снять фильм про цунами, накрывающее мой город, или про инопланетян, которые на него нападают. Почему? Да просто в моём городе нет небоскрёбов. И всё в нём какое-то такое простое, конкретное, приземистое. Так что разрушать это, затапливать или сжигать при помощи инопланетного оружия и киноэффектов будет неинтересно. И смотреть будет такое неинтересно. Будет страшно, просто грязно и некрасиво...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.